

КАК ВСЯКОМУ театральному критику, мне довелось повидать немало актрис — и на сцене, и в жизни. Встречи были самые различные: радостные и огорчительные, мимолетные и запомнившиеся надолго. Были и такие, которые попросту невозможно забыть.

Лет тридцать тому назад я познакомился с Александрой Николаевной Негинной. Память уже не сохранила подробностей той дальней встречи, но это имя и сегодня болью и тревогой отзывается в моей душе. Сразу возникает образ очень привлекательной, до наивности честной, до предела искренней молодой женщины и слышится, как убежденно и трепетно звучит ее трагический шепот: «Я — актриса».

Саша Негина рассказала мне тогда свою жизнь. Теперь стало модным говорить, что человеческий характер особенно ясно проявляет себя в ситуации нравственного выбора. Саша не знала этих слов, хотя именно в этой ситуации она и оказалась. Ей приходилось выбирать между любовью, личным счастьем и сценой. И она с огромной душевной болью вдруг поняла, что артистический талант обязывает ее служить людям, и если надо ради этого отказаться от обычных житейских радостей — значит надо. Саша стояла передо мной, милая, прекрасная, вся в слезах, гордо и самоотверженно повторяя: «Я — актриса». Это было отречение и утверждение, отречение от личного, утверждение театра как смысла жизни.

Прошло лет пятнадцать, и я вспомнил Сашу Негину, познакомившись с Патрик Кэмпбелл. Конечно, внешне ничего общего не было между юной дебютанткой из глухой российской провинции и звездой английского театра, мировой знаменитостью. Кэмпбелл завоевала известность в лучших трагических ролях — Джульетты, Офелии, леди Макбет; она знала успех у зрителей, восторженные отзывы критики, наконец, любовь великого Бернарда Шоу, который звал ее высоким и нежным именем Стелла и специально для нее создал трогательный образ Элизы Дулитл в «Пигмалионе». А мне суждено было увидеть печальный закат Стеллы — стареющая, одинокая, забытая, она уже была навсегда разлучена с театром. Ее унижали предложениями играть ничтожные роли в бездарных фашистских пьесах, ее преследовала нищета, она уже

чувствовала неизбежность финала. Но не сломалась. И я видел, как по-прежнему живет в ней гордый и мятежный дух, как по-прежнему неуотупчива ее требовательная совесть. Невольно думалось: если годы не сумели отнять у нее ни обаяния умного пронацительного взгляда, ни величавой осанки, ни изящества, то секрет, видимо, в том, что она, прежде всего, — актриса. Долгих пятьдесят лет Стелла выходила на сцену, чтобы смело и откровенно раскрыть людям свои раздумья о них. Ее профессия требовала мужества и непреклонности, гнева и сострадания, а главное — умения понимать людей, сочувствовать им, любить их. Сначала на сцене и лишь потом в жизни Стелла познала силу подлинной страсти и высокий пафос

захотела жить не под диктовку неумолимого бизнеса, а по естественным законам сердца. Она, как взрослый ребенок, смешна и трогательно одновременно. В самом деле смешно, когда богатая старуха вдруг решается стать актрисой. Но не только смешно. В этой слабости обнаруживается и сила. Миссис Сэвидж мало богатства, которое можно измерить банковским счетом или количеством акций. Ей нужны богатства душевные: радость общения, возможность проявить свой талант понимания людей, свою жажду сочувствия, активного добра. Всего этого нет и быть не может в буднях обычной миллионерши, и она становится необычной — стремится на сцену. А когда мстительные трезвые детки, испуганные возвышенностью

в природе общества.

Совсем недавняя моя знакомая Лидия Васильевна Жербер лишний раз в этом меня убедила. Она тоже навсегда рассталась со сценой и тоже, казалось бы, одинока. Единственный сын погиб на фронте. Муж давно имеет другую семью. Похоронив сына, она бросила сцену, ибо после подлинной, лично пережитой трагедии она не могла повторять, имитировать чувства. Такой уж она цельный естественный человек. И не трудно догадаться, какова была бы ее судьба в мире Негинной, Кэмпбелл и Сэвидж. Но на этот раз и мне, и ей повезло. Я видел счастливую Лидию Васильевну. Я видел ее веселой, любящей, жизнерадостной. И это не игра, не маска, не минута напускного веселья. Лидия Васильевна всей своей

так сильна и очевидна, что Лидия Васильевна живет в обществе, где ей помогут и поддержат, где человечность — и цель, и знамя.

Я ВНОВЬ и вновь вспоминаю эти четыре встречи. Юная, уже обоженная на жизнь красавица Саша, трагически одинокая мужественная Стелла, завидная и робкая, гневная и трогательно-смешная Сэвидж, раскованная, свободная, торжествующая Лидия Васильевна — какие все это разные судьбы, разные характеры, и в то же время почему они живут у меня в памяти рядом? Да ведь при всех отличиях — в них немало общего, хотя бы потому, что на куйбышевской сцене этих четырех актрис создал талант одного и того же художника — народной артистки РСФСР Веры Александровны Ершовой.

Эти четыре встречи — четыре спектакля: «Таланты и поклонники», «Милый лжец», «Странная миссис Сэвидж», «Старомодная комедия». В. Ершова умеет быть разной, не прибегая к излишествам грима и к другим приметам внешней характеристики, потому что в разных обстоятельствах она и живет по-разному. Иные цели, иные идеалы, иные поступки — вот основа той сценической правды, которую несет актриса, достигая удивительных результатов во внутреннем перевоплощении, в лепке несклонных человеческих характеров. И, наверное, поэтому так любит выступать она в сходных ролях. Когда-то В. Ершова подряд сыграла пять королей. Потом, считая Аркадину в чеховской «Чайке», в ее жизнь вошли пять актрис. И это, наверное, ее главная личная тема.

Не знаю, можно ли с теоретической точки зрения говорить о лирическом творчестве в театре. Ведь актер не сам создает характеры, не своими словами говорит со сцены. Но все-таки есть у него слова далекие и близкие, есть и самые близкие.

«Я — актриса» — это лирическое признание Веры Ершовой, признание в любви к искусству, к зрителям, к своей профессии, весь смысл которой в том, чтобы понимать, волновать, обогащать сердца человеческие.

Когда-то у Саша Негинной эти слова прозвучали как клятва. Теперь мы можем с благодарностью сказать, что В. Ершова верна этой клятве всю жизнь. Была верна и будет верна.

Л. ФИНК.

Творческие портреты

ПЯТЬ АКТРИС Веры ЕРШОВОЙ

трагедии. И она научилась бороться с враждебными обстоятельствами, научилась сквозь личные невгоды пронести свою силу художника, вдохновенного человеколюбием.

Впрочем, самих испытаний и несчастий Стеллы мне увидеть не пришлось. Не повидать я и тех, кто был ей враждебен, кто мешал ей жить по законам добра и красоты. Я только слушал ее горькое повествование, а все остальное дополнял собственным воображением.

Может быть, поэтому встреча со старой актрисой миссис Сэвидж наполнила новыми чертами и красками все ту же трагическую тему человеческого одиночества. На этот раз встреча произошла в психиатрической больнице, куда заточили вполне здоровую женщину ее собственные сыновья и дочери, жаждущие завладеть семейным состоянием. И при этом знакомстве самым важным для меня стал вопрос о том, откуда возьмет миссис Сэвидж жизненную энергию, чтобы противостоять алчности и жестокости своих наследников. Ее заперли вместе с безумцами, потому что она

и романтикой ее порыва, управляют ее в желтый дом, то именно здесь она получает неожиданную возможность реализовать свой дар человечности. Здесь она, кажется, впервые встречает такие чувства, как благородство, искренняя привязанность, доброта. Здесь она понимает, что ее собственный бунт против норм жизни морали оправдан и необходим, раз эти нормы воинственно бесчеловечны. Стремление к театру помогло ей увидеть и понять жизнь.

Я расставался с миссис Сэвидж, не зная, что сулит ей будущее. Но, рассматриваясь в ее нескладную фигуру, наблюдая ее неуверенную робкую походку и внезапную порывистость движений, я понимал, что скорее всего она идет навстречу поражению. Не может победить жажда душевности, естественности, любви, нравственной чистоты в мире, где командует бездушная сила денег.

В этих обстоятельствах никакая талант артистизма сам по себе не спасет человека от одиночества, сознания своего бессилия, крушения своих надежд. У Кэмпбелл, у Сэвидж надежд нет. И дело здесь не в природе таланта, а

долгой жизнью выстрадала убеждение, что она счастливый человек. И как может быть иначе, если живет она в такой стране и в таком обществе, где и одиночество, и печаль только ступени, по которым можно и нужно пройти в свой завтрашний счастливый день.

Я встретил Лидию Васильевну, когда сцена была уже в прошлом и вернуться к ней было никак невозможно. Но я услышал, как она задумчиво поет свою песенку. И сам задумался над ее словами, когда-то звучавшими для зрителя:

Забудете артистку Вы,
Зато она Вас не забудет.

«Как же так?», — спрашивал я. Ведь они ее видели, а не она их. И вдруг, глядя в глаза в счастливые, глубокие, увлажнившиеся глаза Лидии Васильевны, я понял: она и сейчас живет памятью о зрителях, памятью о тех, для кого она жила, чью приваженность слышала в аплодисментах. Она — актриса, она была счастлива, когда дарила счастье другим. Она счастлива сегодня, потому что у нее это было вчера. И эта естественная гордость человека и труженицы, наверное, потому